

ABC

1997 Январь 31

МРЕНФС 31-1-97

ESPECTÁCULOS

Música clásica

Hvorostovsky: cantar con el capital

El barítono ruso Dmitri Hvorostovsky cantó en Madrid dentro del III ciclo de lied copatrocinado por el Teatro de la Zarzuela y la Fundación Caja de Madrid. El programa recogía páginas tristes de Rachmaninov y Sviridov. Con tanta melancolía era lógico que su intérprete acabase muriendo. Lo hizo a efectos periodísticos con la propina del «Don Carlo»: la muerte del marqués de Posa y a efectos musicales lo rubricó con el «Core ngrato» de Cardillo y Cordiferro. Aclarémoslo.

La estrella discográfica de una de las multinacionales que más controlan decidió —¿no hay quien, al pagar, decida lo que estos divos deben cantar?— ofrecer canciones de Rachmaninov para la primera parte y de Sviridov para la segunda. Todas un tanto tristes excepto un par de excepciones. Claro que también lo es el «Viaje de invierno». Sólo que éste contiene una música tan depresiva e importante como jamás se haya escrito en el mundo del lied. Las de Rachmaninov no pasan de contener un gran lirismo. No hay en ellas ese «algo más» que las incorpora a la historia del género por más que nos empeñemos. Unas y otras, seguidas, nos muestran a las claras su semejanza y falta de sello. Las de Giorgi Sviridov, por mucho ciclo poético —el de Sergej Esenin— al que obedezcan e interés de Hvorostovsky por promocionar su disco, también.

Sin embargo el éxito, apoyado por un lamentable incidente protagonizado por una espectadora, fue rotundo. Ayudó el temperamental acompañamiento del pianista Mikhail Arkadiev. No recuerdo una ovación en pie de igual intensidad en los últimos tiempos. Tiene su lógica. El público se derrite con todo intérprete que posea una voz con caudal, de bello timbre, musical, que se escu-

cha impregnada de sentimiento, entrega y corazón, con un control del «canto» prodigioso. Perfecto. Esc dirán todas las críticas. Todos disfrutamos el recital, pero los lectores de ABC merecen algo más.

Me decía la música Leon:yne Price en una ya lejana entrevista que un intérprete debe cantar con los intereses de la voz, nunca con su capital. Que sólo así gozará de longevidad. Lo decía quien cumplirá 70 años el próximo día 18 y quien se retiró a los 58 en plenitud vocal. Hvorostovsky avasalla con su juventud. La derrocha vocalmente. Derrocha el capital. Eso, naturalmente, espolea. Arrastra a cualquiera y a la crítica también. De ahí las interminables ovaciones. Pero, ¿y mañana, cuando el capital se haya gastado? Ése será el problema del barítono ruso. Otro reparo lo expresaré con el lenguaje lírico de Hvorostovsky. El crítico se siente inquieto al escucharle y siente lo mismo que Amneris ante Aida. Presiente que hay algo que no funciona con la supuesta esclava. Es lógico, no se trata de una esclava sino de una princesa. Algo también oculta nuestro artista. Sucede que en los agudos nunca se pueden disimular el verdadero color y las características de una voz. Su registro agudo se aclara sobremanera. Casi se convierte en tenoril. A partir de ahí cobran sentido sus técnicas de encubrimiento y ergolamiento. Más claro, agua. Declara admirar a Bastianini pero, con la distancia de la frescura juvenil, más recuerda la emisión de Gobbi. Y así y con la teatralidad del mítico italiano acometió la muerte de Rodrigo. A mí, aquí y en la napolitana de cierre, me quedó claro cuánto le presagio vocal encerraba y, aun así, me embargó la emoción. No deja de ser una pena.

Gonzalo ALONSO

ПЕРЕВОД

Газета ABC (Испания) 31 января 1997

Концерт Дмитрия Хворостовского 29 января в театре Ла Сарсуэла.

Петь с капиталом

Гонсало Алонсо

В рамках Третьего песенного цикла, в сотрудничестве с театром Ла Сарсуэла и фондом Сбербанка Мадрида в испанской столице выступил российский баритон Дмитрий Хворостовский. Программа состояла из печальных произведений Рахманинова и Свиридова. С такой меланхолией логично, что главный герой повествования в конце концов умирает. И он сделал это через арию Родриго из оперы "Дон Карлос", через смерть маркиза Ди Поза, и в музыкальном смысле украсил этот уход с "Core n'grato" Кардильо и Кордиферро.

Но обо всем по порядку.

Звезда дискографической компании, занимающей одно из ведущих мест в сфере звукозаписи, в первом отделении предложил зрителям романсы Рахманинова и во втором Свиридова. Все произведения грустны и задумчивы за малым исключением. Известно, что никакая музыка не содержит в себе столько депрессивных и высокохудожественных моментов, как музыка старинной песни, романсы. У Рахманинова они глубоко лиричны. Но в них не хватает "чего-то ещё", чем обычно славится этот жанр в музыке. Один за другим идут эти произведения, повторяющиеся и штампованные. Романсы Свиридова на стихи Сергея Есенина исполнялись в качестве рекламы диска Хворостовского, который он записал с этим циклом.

Однако успех, который сопровождался ко всему прочему неприятным инцидентом, связанным с одной из зрительниц, был стопроцентным. Также тому способствовало очень эмоциональное сопровождение пианиста Михаила Аркадьева. Я не помню подобных аплодисментов артисту стоя в последнее время. Публика растаяла под воздействием невероятного тембра голоса, который гипнотизирует своими флюидами чувственности, переживаний, сердечности, и плюс ко всему имеет потрясающий контроль дыхания. Просто потрясающе. Это говорили все критики. Мы все насладились этим концертом, но читателям ABC нужно кое-что ещё.

Мне говорила легендарная Леонтина Прайс в одном далёком уже по времени интервью, что исполнитель должен петь с процентами от голоса, никогда с основным капиталом, говоря банковскими терминами. Только так голос будет служить очень долго. И это сказала та, которая в ближайшие дни празднует своё 70-летие и ушла с певческих подмостков в 58. Хворостовский слишком молод и расточает свой голос и талант, теряя основной капитал. Это, конечно, потрясает любого, и критика тоже.

Отсюда невероятные овации. Но...если завтра твой капитал весь растрочен?... Это может быть проблемой русского баритона в скором будущем. Другой нюанс я поясню через лирический язык Хворостовского. Критик нервничает во время его пения и чувствует себя так, как Амнерис перед Аидой. Сердцем чувствует, что что-то не так в отношениях с его прекрасной рабыней. Это логично, так как это не рабыня, а настоящая царица. Наш артист что-то не договаривает. Получается, что на высоких тембрах невозможно скрыть настоящую окраску и характеристики голоса певца. Его высокие ноты обесцвечиваются и превращаются практически в теноровые. И оттуда становится ясно его техника звучания, голосового прикрытия и завершения. Всё становится на свои места. Он заявляет, что его кумиром является Бастианини, но он, отдаляясь от юношеской свежести, больше напоминает эмоционального Гобби. И с театральностью легендарного итальянца поёт о смерти Родриго. Напоследок спетая неаполитанская песня, подвела итог этому вечеру. Мне было жаль Хворостовского.

Перевод с испанского Ирины Трушкиной